

**Аналитические
записки по проблемам
правоприменения**

Март 2010

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ УКЛОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ФАКТОР ПРОКУРОРА

Анализ статистики

Санкт-Петербург

Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», Март 2010) Авторский коллектив: Панеях Э.Л. Титаев К.Д. Волков В.В., Примаков Д.Я. СПб: ИПП ЕУ СПб, 2010.

Институт проблем правоприменения (The Institute for the Rule Of Law) создан в 2009 году в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Миссия ИПП – содействие утверждению принципа верховенства права в России через исследования правоприменительной практики. Направления деятельности - проведение научных исследований, публикации и доведение до сведения широкой общественности их результатов, а также инициация общественных дебатов, выработка стратегических рекомендаций для всех заинтересованных сторон, включая тех, кто принимает решения, а также развитие обучающих программ

Контакты:

Санкт-Петербург, ул.Гагаринская 3,
Научно-исследовательский центр
«Институт проблем правоприменения»
Тел.: +7 (812) 273 24 17; +7 981 706 19 61
E-mail: ipp@eu.spb.ru
www.enforce.spb.ru

© ИПП ЕУ СПб 2010

Executive Summary

Там, где судья не имеет выбора между оправданием подсудимого и вынесением обвинительного приговора, ни одна из реформаторских мер (включая работу собственно с судебским корпусом) не исправит положения. Необходимым условием для успеха любых других начинаний в области уголовной юстиции и правоохраны является освобождение судей от структурных ограничений, не позволяющих им оправдывать подсудимых за недостаточностью улик, а также прекращать дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям. Эти структурные ограничения исходят в первую очередь от прокуратуры. Прежде, чем требовать от судей независимости и беспристрастности, следует добиться, чтобы для них самих последствия вынесенного приговора были одинаковыми в случае оправдания и обвинения. В настоящий момент это не так: у прокуратуры существует целый ряд возможностей создать служебные и карьерные проблемы судье, вынесшему не устраивающее ее решение: от неуклонного обжалования всех таких решений, до инициации проверок «коррупционности». Если по нетяжким делам и делам средней тяжести существуют «обходные» пути, дающие судьям определенные возможности избежать давления. По тяжким же составам УК обвинительный приговор выносится с вероятностью 98%, а оправдательный – с вероятностью 0,3%. То, как себя ведут судьи вынося решения по менее тяжким составам, заставляет предположить, что это соотношение отвечает скорее их степени зависимости от прокуратуры, чем их собственному правосознанию.

После того, как у судей возникнет свобода от постоянного «обвинительного» давления со стороны прокуратуры, появится смысл обсуждать такие проблемы, как степень независимости судей от «телефонного» права, внутренние нормы и ценности профессионального сообщества, качество законов, квалификацию следственных органов. Сегодня же суд в определенных случаях вынужден «штамповать» обвинительные приговоры вне зависимости от всех этих условий. У судьи просто нет возможности руководствоваться своими представлениями о праве или ценностями, критично оценивать материалы дела. Прокуратура должна не только по закону, но и на практике стать одной из сторон в процессе, равной по своим правам стороне защиты. Сейчас же авторитет прокуратуры перевешивает не только дискрецию судьи, но и презумпцию невиновности.

В этой аналитической записке представлен анализ статистики Судебного департамента, на основе которого предлагаются следующие рекомендации.

Рекомендации

1. Лишить прокуратуру права обжаловать оправдательные приговоры или требовать их пересмотра.
2. Запретить пересмотр дел в сторону ухудшения положения осужденного, или сильно ограничить права прокуратуры подавать апелляции и кассации по собственной инициативе (оставив эти права за потерпевшими).
3. Изменить УПК таким образом, чтобы судья имел право прекратить дело за примирением с потерпевшим по делам любой тяжести, при условии, что потерпевшим в судебном процессе является то же лицо, против которого совершено преступление. Другими словами, примиряться с преступником может только тот, кто непосредственно пострадал от него.
4. Наделить судей правом инициативы в признании факта деятельного раскаяния обвиняемого по своему усмотрению, на основании признаков собственно деятельного раскаяния (то есть, готовности загладить вред, и впредь не повторять то же деяние), без ходатайства следователя. Позиция следователя и прокурора не должна оказывать влияния на дискрецию судьи.

Оглавление

Executive Summary	3
Рекомендации	3
Частное обвинение: без прокурора	7
Обвинительный уклон: эффект прокурора?	7
Прекращение дел по нереабилитирующим обстоятельствам	9
Отпустить нельзя, осудить.	10
Заключение	12

Введение

Обвинительный уклон российских судов является одной из главнейших проблем российской юстиции и корнем многих проблем правоохранительной системы в целом: готовность судей поддержать государственное обвинение даже в случае, когда доказанность вины, сомнительна, поощряет в следователях и прокурорах, в лучшем случае, небрежность в обосновании своей позиции. В худшем случае, «фора», которую дают правоохранительным органам суды по уголовным делам, делает возможной не только обыкновенную коррупцию, но и прямую фальсификацию доказательств, нарушения УПК, вплоть до применения пыток¹.

В 2008 году судами РФ было вынесено 925166 обвинительных и 8448 оправдательных приговоров; их соотношение, таким образом, составило 110 к одному. Количество оправдательных приговоров в общем объеме рассмотренных судами дел составляет 0,67%. Несколько больше дел: 1,9% - прекращены по реабилитирующим основаниям.² Только в этих случаях (2,6 процента от общего числа), мы можем заключить, что обвиняемый ушел из зала суда оправданным. Остальные, так или иначе, признаны виновными.

В спектре предлагаемых мер по нормализации ситуации называют гуманизацию законодательства, более строгий контроль над деятельностью милиции и прокуратуры, значительное обновление судейского корпуса. Но все эти меры, будучи сами по себе полезными и нужными, не смогут повлиять на поведение российских судей в том случае, когда они лишены свободы выбора, и вынуждены играть по чужим правилам. Ниже будет показано, что такие «случаи» составляют около трети всех уголовных дел. Это все дела по тяжким и особо тяжким составам - дела, по которым судья может выбрать только меру наказания, но приговор «виновен» фигуранту практически гарантирован. В 2008 году 282624 человека были осуждены по этим статьям – около трети всех осужденных по уголовным делам в России в том же году. В экспертной среде существует три дополняющие друг друга гипотезы о происхождении обвинительного уклона в судах.

- Гипотеза первая: нормы и ценности судейского сообщества таковы, что судьи воспринимают себя как борцов с преступностью, а не как защитников закона. Их происхождение (многие судьи сами вышли из

¹ См., например: Гилинский Я.И. Социология о пытках в современной России // Альманах "Неволя". Приложение к журналу "Индекс/Досье на цензуру", 10- 2006

² То есть было признано, что либо вообще не было описанного в деле события (отсутствие события преступления), либо оно не было преступным (отсутствие состава преступления), либо человек просто не имел отношения к описанному событию (непричастность).

прокуратуры³), воспитание (многие судьи получали юридическое образование еще в советское время) и корпоративная этика таковы, что судья предпочитает приговорить невиновного, или вынести обвинительный приговор при недостатке доказательств, чем «выпустить» виновного, на поимку которого уже были потрачены государственные деньги⁴ и силы служителей закона.

- Гипотеза вторая: внутренние бюрократические правила судов, как организационных единиц, таковы, что успешность работы судей оценивается по количеству рассмотренных дел, что создает спешку и невозможность разобраться в сути каждого дела; одновременно, оправдательный или даже необычно мягкий приговор становится основанием для подозрений в коррупции, проверок со стороны вышестоящих органов. В этих условиях каждое оправдание создает для судьи такие проблемы, что судьи идут на это весьма неохотно.
- Гипотеза третья: внутренняя отчетность и система оценки успешности сотрудников прокуратуры устроена таким образом, что каждое «проигранное» в суде дело становится для представлявшего дело гособвинителя источником многочисленных неприятностей. Как сказал один из сотрудников прокуратуры: *«оправдательный приговор это гарантированный выговор; три выговора в год – увольнение»*. У прокуроров же, в свою очередь, есть способы создать для судей отрицательные стимулы к вынесению приговоров, которые расцениваются как проигрыш гособвинителя (помимо оправдания, это прекращение дел по реабилитирующим обстоятельствам).

Предлагаемый анализ сосредоточен на последней из гипотез: роли прокурора в процессе. Существует обвинительный уклон в головах судей и в организационных особенностях судейской бюрократии, или нет, важно только в тех вопросах, в которых суд не подвергается жесткому внешнему давлению. И то, что происходит в делах частного обвинения,⁵ показывает,

³ Судьи, ранее замещавшие должности прокурорских работников, с трудом абстрагируются от навыков прежней профессии при осуществлении правосудия. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) причисляет такое явление к случаю нарушения независимости суда (ст.6 Европейской конвенции по правам человека). Впервые такое искажение независимости было выявлено при рассмотрении жалобы в деле «Пирсак (Piersak) против Бельгии». Бельгийский гражданин жаловался на то, что судья, ведя процесс, демонстрировал явную зависимость от позиции прокуратуры, в которой работал прежде, до того, как был назначен судьей. Суд признал, что в этом случае существовала лишь видимость независимости суда, что при рассмотрении дела проявлялись навыки судьи, приобретенные в прежней профессии. В России, к тому же, многие судьи назначаются в те суды тех же районов, в которых они ранее работали в прокуратуре. По понятным причинам такие судьи больше склонны к проявлению заинтересованности и благожелательности к бывшим сослуживцам.

⁴ Любому реабилитированному или оправданному положена материальная компенсация (в порядке гл. 18 УПК)

⁵ Дела по четырем статьям: клевета, оскорбление, побои, нанесение легких телесных повреждений.

что, по крайней мере, мировые судьи вовсе не видят свою роль в штамповке обвинительных приговоров; напротив, они предпочитают мирный исход дела. Появление в деле прокурора меняет очень многое.

Частное обвинение: без прокурора

По делам частного обвинения разбирательство инициируется исключительно по заявлению пострадавшего, дело может быть прекращено по его же инициативе на любом этапе, и участие прокурора в судебном процессе не обязательно (и является редкостью на практике). Другими словами, это те дела, в которых государственного обвинителя, за редкими исключениями, просто нет. Дела частного обвинения, имеющие отношение всего к четырем из двух с половиной сотен статей Особой части УК (т.е. той, где описываются составы конкретных преступлений) - ст. ч.1 ст.115, ч.1 ст. 116, ч.1 ст. 129, 130 – составляют 10% всех уголовных дел, рассмотренных судами в 2008 году: 124168 из 1244458.

Вместе с тем, на эти дела приходится 68% всех оправданий, 76% дел, прекращенных по реабилитирующим обстоятельствам и 24% дел, прекращенных по иным обстоятельствам (как правило, в этом случае речь идет о примирении сторон). При этом, около трети (32 %) всех оправданий в 2008 году составляли оправдания по двум незначительным статьям: «Оскорбление» и «Клевета». Остальные приходятся на статьи «Побои» и «Умышленное нанесение легкого вреда здоровью», в обоих случаях без отягчающих обстоятельств – то есть, на составы, описывающие, в общем случае, участие в заурядной бытовой драке без драматических последствий.

Если исключить дела частного обвинения из рассмотрения, мы увидим, что только двое из тысячи были оправданы по делам, где обвинение было представлено прокуратурой; и только пять из тысячи дел были прекращены по реабилитирующим основаниям. Учитывая численность судейского корпуса, это значит, что средний судья, специализирующийся на уголовных делах, произносит оправдательный приговор (по всем делам, кроме ЧО) приблизительно раз в 5 лет.⁶ Ниже, однако, будет показано, что судьи сами по себе отнюдь не считают своим долгом отправить каждого обвиняемого за решетку. Гораздо важнее, чем взгляды судей, оказывается роль прокурора в процессе. Насколько важнее?

Обвинительный уклон: эффект прокурора?

В первую очередь, имеет смысл сравнить дела частного обвинения не со всеми остальными – от нарушения прав избирателей до убийств – а с делами публичного и частно-публичного обвинения, которые как можно

⁶ В рассматриваемом году райсудами в первой инстанции оправдано 1825 человек. При численности судейского корпуса около 23 000 человек и доле судей, специализирующихся на уголовных делах от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$, мы получаем от 0,15 до 0,23 оправдательных приговора в год на одного судью.

более на них похожи. Это несложно. Все дела частного обвинения принадлежат к категории нетяжких (максимальный срок до двух лет); по ним не предусмотрено уголовного наказания в виде лишения свободы (то есть, срока в колонии); максимальная определенная УК санкция – штраф или арест. Все они подсудны мировым судьям (мировым судьям подсудны большинство дел, по которым максимальная санкция не выше трех лет лишения свободы, за исключением закрытого списка, определяемого п.3 ст.31, УПК). Таким образом, выбрав из общего массива нетяжкие дела с аналогичной санкцией, также подсудные мировым судам, мы можем сравнить: что меняется в поведении тех же самых судей по аналогичным делам, когда в деле возникает гособвинитель?

Как нетрудно видеть из таблицы 1, «обвинительный уклон» мировых судей в таких относительно легких делах значительно превосходит даже средний по всему массиву. Оправданий едва одно на тысячу, прекращений дел по реабилитирующим обстоятельствам – 8 из 10 000. Таким образом, судьи оставляют без удовлетворения требования прокурора на порядок реже, чем претензии частного лица.

Таблица 1. Структура решений по делам разных типов

Виды преступлений	Доля по строке (%)			
	Оправдано	Прекращений дела по основаниям		Осуждено
		Реабилитирующим	Нереабилитирующим	
По всем составам УК РФ	0,68%	1,9%	23%	74%
По всем составам УК, кроме дел частного обвинения	0,2%	0,5%	19,4%	80%
По делам частного обвинения	4,6%	14,1%	55,7%	26%
Дела, по которым санкция не включает лишения свободы, рассматриваемые в мировых судах (кроме дел частного обвинения)	0,12%	0,08%	13,1%	84,7%

Заметим, что это очень легко объяснить в рамках гипотезы о давлении прокурора на судей: чем ниже уровень судьи, тем больше дифференциал власти между ним и прокурором, а чем легче дело, и, соответственно, санкция, тем меньше стимул рисковать служебными неприятностями ради интересов подсудимого.

Прекращение дел по нереабилитирующим обстоятельствам

Существует мнение, что судьи, не желая создавать неприятностей «классово близким» прокурорам, массово подменяют вынесение оправдательных приговоров простым прекращением дел. Здесь проявляется дискреция судьи: нарушение правил расследования, или недостаточные доказательства дают судье право как признать вину подсудимого недоказанной, так и просто прекратить дело по формальным основаниям. Действительно, суды прекращают по нереабилитирующим основаниям, если исключить частное обвинение, почти 20% всех дел. Что это за дела и что это за основания?

Два наиболее часто встречающихся основания, по которым суд может прекратить дело, не реабилитировав и не оправдав обвиняемого – это примирение сторон или деятельное раскаяние.

В первом случае, необходим потерпевший – частное или юридическое лицо – который заявляет о примирении с обвиняемым. Судья может разрешить или не разрешить примирение независимо от мнения прокурора.

В случае с деятельным раскаянием инициатива на практике принадлежит следователю и должна быть поддержана прокурором: для того, чтобы такое состоялось, сведения о признаках деятельного раскаяния должны появиться в следственном деле. Прокурор же вправе не принять дело у следователя и вернуть его на доработку; таким образом, сам факт, что он представляет дело в суде, свидетельствует о его согласии с содержанием дела. Судебная практика такова, что примирение сторон используется, когда в деле, помимо прокуратуры, есть еще и непосредственно пострадавший (иногда подающий параллельно гражданский иск): человек, или организация. Деятельное раскаяние практикуется, когда в качестве «пострадавшего» выступает государственный орган (например, налоговая инспекция), или когда прокурор является единственным представителем обвинения. Заметим, что в обоих случаях интересы прокурора не страдают: согласие обвиняемого на прекращение дела автоматически подразумевает признание вины в полном объеме.

Примирение сторон возможно только по нетяжким составам и по составам средней тяжести – то есть, по тем, где максимальная санкция не превышает 5 лет лишения свободы. По нетяжким составам (без частного обвинения) примирение сторон происходит в 22% случаев, по делам средней тяжести в 20%. Можно бы было ожидать, что, если бы за

обвинительный уклон отвечали ценности и нормы судей, или позиция председателей судов, те строже подходили бы к возможности примирения в тех случаях, когда обвиняемый признает вину в более серьезном преступлении. Однако, существующая разница (22% против 20%) вряд ли позволяет сделать такой вывод. При нейтральной позиции прокурора судьи, по-прежнему, в значительной доле случаев позволяют подсудимому заглаживать вину перед потерпевшим, вместо того, чтобы назначить наказание «в интересах общества».

С деятельным раскаянием – где у прокурора фактически существует право вето (он может не принять от следователя дело, если не согласен с утверждением о деятельном раскаянии) – все совершенно иначе. Деятельное раскаяние также возможно по всем нетяжким и средним составам, а также по ряду более тяжелых – но здесь мы будем смотреть только на первые две категории, чтобы сравнение с примирением сторон имело смысл. Если по делам нетяжким мы видим прекращение дел на основании деятельного раскаяния в 3% случаев, а по тем из них, которые подсудны не мировым, а районным судьям, даже в 8%⁷, то по делам средней тяжести как в мировых судах, так и в районных, процент прекращений не превышает 0,9%, и практически не различается между районными судами и мировыми судьями. Снова: активная позиция прокурора влияет на структуру исходов дела намного сильнее, чем (предполагаемая) позиция судьи.

Отпустить нельзя, осудить.

Что происходит за той чертой, где у судьи не остается ни одного варианта, позволяющего отпустить подсудимого из зала суда без приговора, не обеспечив при этом представителю прокуратуры служебных неприятностей?

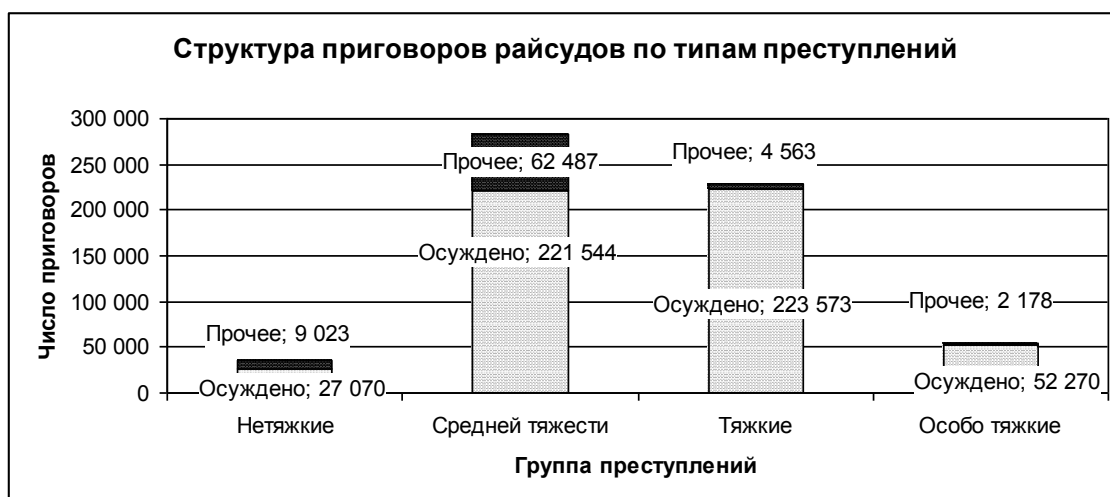
Для точности сравнения, исключим из рассмотрения мировые суды, и посмотрим, как выглядят решения одних и тех же – районных – судей в разных случаях. По нетяжким составам районные суды выносят обвинительные приговоры в 75% случаев. По составам средней тяжести – в 78%. По тяжким составам – в 98%, а по особо тяжким чуть реже – в 96% случаев.

Итак, по тяжким составам вероятность уйти из суда без уголовного приговора (а это всегда лишение свободы, на срок, достигающий до 10 лет) – 2%. Если мы предположим, что следствие и прокуратура обеспечивают выявление виновного и безупречную доказательность обвинения с подобной точностью, то, следовало бы признать, что средний служащий Прокуратуры РФ представляет собой инструмент установления истины,

⁷ Эта разница, скорее всего, объясняется тем, что большинство нетяжких составов, подсудных районным судам, относится как раз к тем делам, где обвинение представлено только прокурором.

намного превосходящий по точности строгие статистические техники, применяемые учеными (ошибка в 5% в социальных науках считается вполне допустимой). Если же мы допустим мысль, что прокуратура состоит из живых людей, способных ошибаться в сложных вопросах чуть чаще компьютерной программы, ошибка всего лишь в 2% выглядит несколько подозрительно.

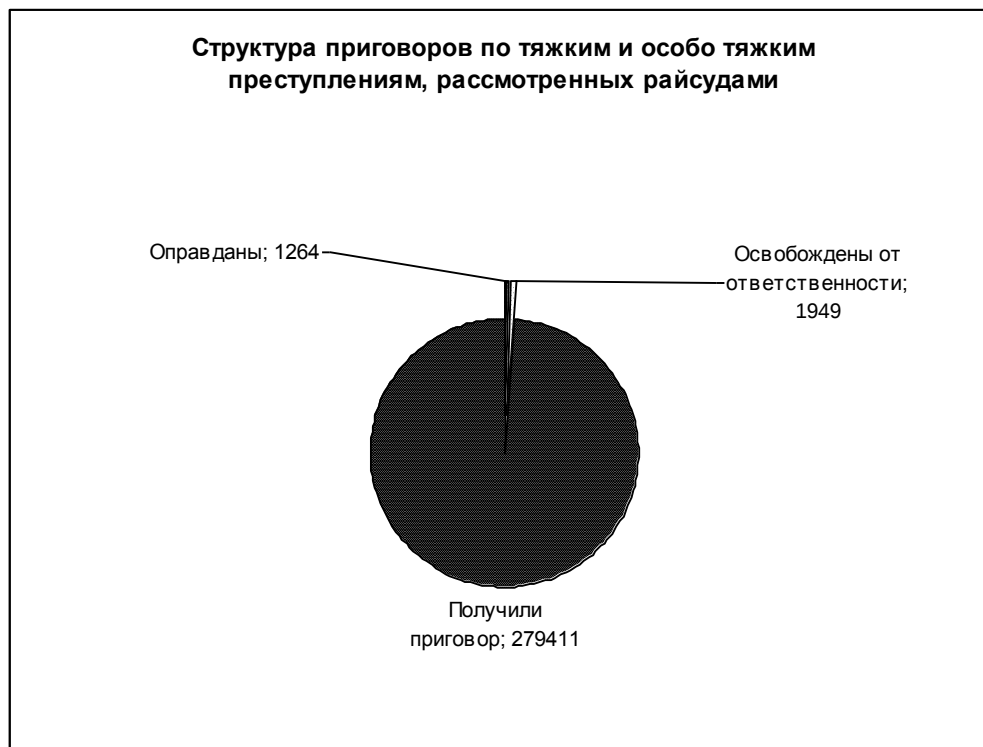
Рисунок 1. Структура приговоров райсудов по типам дел

Тем более, что в суде, теоретически, оценивается не только верность позиции обвинения, но и ее доказанность; не будем забывать и о презумпции невиновности, требующей толковать все сомнения в пользу обвиняемого. И на все это — два процента?

Могут возразить, однако, что к тяжким составам и следствие и прокуратура относятся с намного большим вниманием, отсюда и такая фантастическая доля успешно доказанных обвинений. Взглянем, в таком случае, на очень похожие дела: самые «тяжелые» из средних составов (максимальная санкция от 4+ до 5 ровно лет), и самые «легкие» из тяжких (максимальная санкция от 5+ до 6 ровно лет). Так вот, по первой категории обвинительные приговоры выносятся в 75% случаев А по второй — где, не обидев прокурора, отпустить подсудимого без судимости нельзя, в 97% случаев.. Как видим, резкий скачок «обвинительного уклона» приходится на границу в 5 лет. Внутри категорий (только средняя тяжесть, только тяжкие) роста количества обвинительных приговоров по мере утяжеления состава — и, соответственно, увеличения верхней санкции — не происходит. Так, по делам с верхним пределом 3-4 года обвинительный приговор выносится в 77%, с верхним пределом 2-3 года в 80%. По тяжким же, при верхнем пределе 7 лет это происходит в 98% случаев, и практически столько же — для всех составов от 7 до 10 лет. Если за подобную структуру «обвинительного уклона» ответственны судьи, то ход их мыслей нельзя не признать причудливым.

Рисунок 2. Структура приговоров по тяжким и особо тяжким преступлениям, вынесенных райсудами

Из тысячи обвиняемых по тяжким составам оправданными уйдут из суда трое, одно дело будет прекращено по реабилитирующим обстоятельствам. Еще 18 человек будут признаны виновными, но в той или иной форме освобождены от ответственности. 978 из 1000 получают приговор. Речь идет о 228136 человек, осужденных по тяжким статьям в 2008 году. Если добавить особо тяжкие (см. диаграмму) – еще 54488 – о 282624 человек, о трети всех осужденных. Другими словами, треть осужденных уголовными судами в течение 2008 года не имели в суде фактически никаких шансов ни на оправдание, ни на другую форму освобождения от ответственности. Получение ими приговора было предreshено.

Заключение

Итак, мы видим, что появление прокурора в зале суда существенно меняет поведение судьи. И плоды этого изменения таковы, что по отдельным группам преступлений почти все обвиняемые признаются виновными. Каковы же механизмы влияния на суды со стороны прокуратуры?

Первый механизм – самый главный – обжалование оправдательных приговоров. Казалось бы, простой и логичный механизм. Однако, учитывая, что количество отмененных судебных актов является важным показателем отчетности и может использоваться даже для увольнения. Известно, что прокуратура практически всегда подает апелляцию на оправдательный приговор; каждый такой эпизод создает не только

проблемы самому судье, но и значительные неудобства председателю суда, где произошло оправдание: за отменой приговора следуют тщательные проверки, подозрения в коррупции. Естественно, что председатели судов не поощряют принятие решений, которые неизбежно повлекут за собой служебные проблемы, и с высокой вероятностью будут пересмотрены вышестоящей инстанцией.⁸

Второй механизм – проверка деятельности судей прокурорами. Хотя инстанцией, принимающей решение о сохранении судьи в должности является квалификационная коллегия, проверку может проводить (и проводит) прокуратура по собственной инициативе.⁹

Третий, относительно редкий, механизм – это привлечение судьи к уголовной ответственности. С одной стороны, этот процесс может начать только Генеральный прокурор. С другой – если дело расследуется не «в отношении» а «по факту» - то есть если судья (пока) не привлечен в качестве подозреваемого, в его отношении можно проводить все или почти все следственные действия, не говоря уже о родных и близких. То есть, если поступило сообщение о правонарушении, то проверка этого сообщения и установления факта уголовного преступления относится к исключительной компетенции прокуратуры и ограничений на такие проверки в отношении судей практически не существует.

Четвертый механизм также связан с назначением и переназначением судей. Фактически прокуратуре принадлежит право вето при назначении судей. В прокуратуру направляются данные из квалификационной комиссии для проверки достоверности и правдивости заявлений претендентов на должность судьи, что позволяет потенциально «неадекватных» судей отсеивать еще на входе.

Таким образом, в руках у прокуратуры оказываются инструменты для самого разного воздействия на судей. От очень простых и легальных – обжаловать решение до самых последних инстанций, до простых и грубых в виде проверок и уголовных дел. Может ли судья в этих условиях быть независимым от прокуратуры?

Прежде, чем требовать от судей беспристрастия и независимости, следует развязать им руки, дать возможность выносить приговоры на свое усмотрение, без оглядки на последствия для себя лично. Вполне возможно, что, позволив судьям свободно оправдывать подсудимых, мы столкнемся и с коррупцией, и с еще одной областью применения

⁸ Так, например, в Мордовии этот показатель официально используют для выявления лучших судей, не говоря уже о том, что при переназначении судьи после пятилетнего «испытательного» срока этот показатель формально учитывается.

⁹ Сравним обращение Общественной палаты к прокурору Санкт-Петербурга в марте 2010 года с просьбой рассмотреть на квалификационной коллегии деятельность судьи, вынесшей, по мнению ОПРФ исключительно мягкий приговор педофилу.

«позвоночного» права, и с «обвинительными» предрассудками самих судей¹⁰. Но для борьбы с этими негативными явлениями необходимо, в первую очередь, то же самое, что и для исправления других недостатков российской юстиции – независимый суд. И его невозможно получить, пока для судьи служебные интересы прокурора являются более важным фактором принятия решений, чем существо дела и презумпция невиновности. Изменение всего нескольких положений УК и УПК могло бы освободить судей от структурных ограничений, связанных с диктатом прокуратуры. Это не сделает наши суды идеальными в одночасье – но это даст им возможность для изменений к лучшему.

Предложения:

1. Лишить прокуратуру права обжаловать оправдательные приговоры или требовать их пересмотра. Для государственного обвинения в этом случае решение судьи должно быть окончательным. Право на обжалование сохранить только за непосредственно пострадавшим лицом (организацией).
2. Запретить пересмотр дел в сторону ухудшения положения осужденного, или сильно ограничить права прокуратуры подавать апелляции и кассации такого рода по собственной инициативе (оставив эти права за потерпевшими).
3. Изменить УПК таким образом, чтобы судья имел право прекратить дело за примирением с потерпевшим по делам любой тяжести, при условии, что потерпевшим в судебном процессе является то же лицо, против которого совершено преступление. В целях предотвращения злоупотреблений представляется нецелесообразным позволить родственникам мириться за жертву убийства, или опекунам – от имени несовершеннолетнего.
4. Наделить судей правом инициативы в признании факта деятельного раскаяния обвиняемого по своему усмотрению, на основании признаков собственно деятельного раскаяния (то есть, готовности загладить вред, и впредь не повторять то же деяние), без ходатайства следователя. Позиция следователя и прокурора в деле не должна оказывать влияния на дискрецию судьи. Таким образом, уравниваются шансы на прекращение дела для тех, кто совершил преступление против определенного лица, и для тех, по отношению к кому единственным обвинителем выступает государство.

¹⁰ В первую очередь - с известной проблемой «экономии государственных средств», когда обвинительный приговор оказывается средством для того, чтобы избежать реабилитации, и тем самым перекрыть подсудимому возможность требовать компенсации у государства.

Сотрудники ИПП:

Научный руководитель: Вадим Волков – доктор социологических наук, PhD (Cambridge University), проректор по международным делам, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книги «Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ» (2005)

Директор: Элла Панеях – Doctoral Candidate (University of Michigan), автор книги «Правила игры для российского предпринимателя» (2006)

Научные сотрудники:

Кирилл Титаев – социолог, специалист по проблемам неформальной экономики;

Денис Примаков – юрист, специалист по правовым системам Ближнего Востока и проблемам правосудия в РФ

Администратор: **Мария Батыгина**

Европейский Университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) был учрежден в 1994 году и начал свою работу как обучающая аспирантура по социальным наукам в 1996 году. Благодаря высокому профессионализму и уникальному научному потенциалу Европейский университет приобрел репутацию одного из самых динамичных и современных образовательных учреждений страны.